

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

УДК 821.161.1-6+655.4. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-7-20.
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8+Ч617.471.
ГРНТИ 17.07.21. Код ВАК 5.9.3

ПЕРЕПИСКА В. Г. ЧЕРТКОВА И Е. С. НЕКРАСОВОЙ: ПОЛЕМИКА ВОКРУГ НАРОДНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПОСРЕДНИК»

Городилова Н. И.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук (Москва, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-0856-3083>
SPIN-код: 1637-0376

А н н о т а ц и я. Статья посвящена рассмотрению деятельности издательства «Посредник», возникшего по инициативе Л. Н. Толстого и В. Г. Черткова, в контексте дискуссии о народной литературе 1880-х гг. Участие известного писателя и своеобразное направление издательства, воплощающего в художественной форме основные постулаты толстовского религиозно-философского учения, привлекли внимание общественности. Материалом работы послужили аналитическая, построенная на серьезном изучении проблемы народного чтения статья Е. С. Некрасовой «Книжки для народа», которая вызвала одобрение организаторов издательства, и неопубликованные письма Черткова и Некрасовой 1885 г., позволившие реконструировать диалог между корреспондентами, полемически отражающий разные идейные и эстетические направления в истории литературного процесса второй половины XIX века. Анализ документальных источников свидетельствует, что «программу» «Посредника», в соответствии с которой формировался круг достойных книг для народа, во многом определяли эстетические вкусы Черткова, ориентирующегося прежде всего на содержание литературного произведения. В определении качества книжной продукции главным критерием для издателя становятся не художественные достоинства произведения, а авторская идея, и идея эта должна была непременно совпадать с направлением «Посредника», т. е. отражать моральную суть учения Христа. Эту «программу» верно почувствовала Некрасова, отметившая в своей рецензии на народные издания заботу издателей новой книжной фирмы о народной нравственности. В своем первом письме к Черткову она, познакомившись с новыми произведениями «Посредника», высказалась еще более определенно: проповедь любимой идеи, преобладание поучительного элемента нарушают художественную целостность произведения. Polemika, возникшая было в переписке Некрасовой и Черткова и не продолженная по нежеланию последнего, раскрывает, с одной стороны, издательские принципы «Посредника», а с другой – личность Черткова, его общественно-литературные взгляды и убеждения, что особенно важно, учитывая его тесное сотрудничество с Толстым.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Л. Н. Толстой; В. Г. Чертков; издательство «Посредник»; народная литература; эпистолярный источник; архив; периодика второй половины XIX в.; рецензия; полемика; проблемы эстетики; редакция

Д л я ц и т и р о в а н и я: Городилова, Н. И. Переписка В. Г. Черткова и Е. С. Некрасовой: полемика вокруг народного издательства «Посредник» / Н. И. Городилова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 7–20. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-7-20.

CORRESPONDENCE BETWEEN V. G. CHERTKOV AND E. S. NEKRASOVA: A DISCUSSION SURROUNDING THE PEOPLES PUBLISHING HOUSE “POSREDNIK”

Natalia I. Gorodilova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-0856-3083>

Abstract. The article explores the activities of the publishing house “Posrednik”, which was founded on the initiative of L. N. Tolstoy and V. G. Chertkov, in the context of the discussion of the folk literature of the 1880s. The participation of the famous writer and the unique orientation of the publishing house realizing the main postulates of Tolstoy’s religious and philosophical teachings in artistic form attracted public attention. The practical research material encompasses the analytical article by E. S. Nekrasova “Books for the People,” based on a serious study of the problem of popular reading, which was approved by the organizers of the publishing house, and the unpublished correspondence between Chertkov and Nekrasova in 1885, which made it possible to reconstruct the dialogue between the correspondents, polemically reflecting different ideological and aesthetic trends in the history of the literary process of the second half of the 19th century. The analysis of the documentary sources indicates that the “program” of “Posrednik,” in accordance with which a list of worthy books for the people was formed, was largely determined by the aesthetic tastes of Chertkov, who was guided primarily by the content of a work of fiction. In assessing the quality of the published products, the main criterion for the publisher is not the artistic merits of the work, but the author’s idea, and this idea must necessarily coincide with the orientation of “Posrednik”, i.e. reflect the moral essence of the teachings of Christ. This “program” was welcomed by

Nekrasova, who noted in her review of popular publications the concern of the publishers of the new book company about popular morality. After getting acquainted with the new publications of “Posrednik,” she spoke out in her first letter to Chertkov even more clearly: the preaching of a favorite idea and the predominance of an instructive element ruin the artistic integrity of the work. The discussion that arose in the correspondence between Nekrasova and Chertkov and was not continued due to the latter’s reluctance, reveals, on the one hand, the publishing principles of “Posrednik”, and on the other, the personality of Chertkov, his social and literary views and beliefs, which is especially important, given his close collaboration with Tolstoy.

Keywords: L. N. Tolstoy; V. G. Chertkov; publishing house “Posrednik”; folk literature; epistolary source; archive; periodicals of the second half of the 19th century; review; discussion; problems of aesthetics; editing

For citation: Gorodilova, N. I. (2025). Correspondence between V. G. Chertkov and E. S. Nekrasova: A Discussion Surrounding the Peoples Publishing House “Posrednik”. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 1, pp. 7–20. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-7-20.

Введение

В филологических исследованиях, посвященных деятельности издательства «Посредник», акцент традиционно делается на фигуре Л. Н. Толстого, что вполне объяснимо, учитывая его место в истории русской литературы. В работах известных специалистов-толстоведов «Посредник», как правило, рассматривается сквозь призму анализа народных рассказов – их жанровой специфики [Николаева 2000], своеобразия поэтики [Арденс 1962; Храпченко 1965], отражения народных и литературных источников в сюжете [Грибушин 1978; Кущенко 1983]. При этом в научной рецепции не обойден вниманием и широкий круг вопросов, касающихся непосредственно истории издательства. Много фактических сведений о периоде зарождения и возникновения «Посредника» содержится в книгах первых биографов Толстого [Бирюков 2000; Гусев 1970]. Безусловную ценность представляют работы, посвященные истории непростых взаимоотношений издательства с цензурой [Лебедев 1968], анализу его значения в контексте проблемы народного чтения [Новикова 1984]. Думается, что на современном этапе изучения данной темы заметно не хватает личных свидетельств непосредственных участников издательского дела. Письма одного из организаторов «Посредника» В. Г. Черткова почти неизвестны в кругу специалистов: частично, с купюрами опубликованы лишь его письма к Толстому, при этом известно, что Чертков вел обширную переписку с самым широким кругом лиц касательно выпуска народных книг. Целью настоящей статьи является восполнение этого пробела, т. е. введение в научный оборот эпистолярных материалов, касающихся деятельности «Посредника» в первые годы его существования. Специфика материала определила методологию его изучения: методы текстологического анализа и историко-литературного комментирования в совокупности с использованием историко-биографического подхода дают возможность при изучении архивного документа глубоко осмыслить позицию каждого корреспондента, увидеть своего рода «подтекст» высказываемых суждений, уловить тонкости в полемическом ведении диалога.

Из истории возникновения «Посредника»

Переписка В. Г. Черткова и Е. С. Некрасовой – ценный эпистолярный документ по истории деятельности издательства «Посредник» (1885–

1935), внесшего значительный вклад в дело реформирования литературы для народа. В конце марта 1885 г. вышли первые его произведения: три рассказа Л. Н. Толстого – «Кавказский пленник», «Чем люди живы», «Бог правду видит, да не скоро скажет» – и рассказ Н. С. Лескова «Христос в гостях у мужика». Внешне напоминая лубочную книгу, они выгодно отличались от нее качеством оформления. Небольшой формат, серый фон обложки¹, соответствующие содержанию рассказа картинки на первой и последней страницах, обрамление красной каемкой, белый крест на красном фоне и девиз «Не в силе Бог, а в правде» – составили типичный облик книжек «Посредника». Не менее привлекательны они были и со стороны содержания: поучительные рассказы отличались художественностью повествования и простым, доступным для малограмотного читателя языком (редкое достоинство в литературе для народа). В результате «Посреднику» удалось сделать то, что не удавалось до этого времени ни одному народному проекту (а их к середине 1880-х гг. насчитывалось уже значительное количество²): «Издания “Посредника” были первыми, очутившимися в деревне через короба офеней! Это была первая интеллигентная книга, которая явилась действительным конкурентом для лубочной <...>» [Некрасова 1902: 63].

Заметный успех новой книжной фирмы во многом объяснялся удачным творческим союзом двух людей. Настоящим ее вдохновителем стал Л. Н. Толстой, уже имевший значительный опыт в деле народного образования³ и давно мечтавший

¹ В дальнейшей своей практике «Посредник» будет использовать и разноцветные обложки.

² Начиная с 1860-х гг. проблема народного чтения была осмыслена творческой интеллигенцией как наиболее значимая и актуальная в деле народного образования [Васильева 2009: 167]. В соответствии с этим стали предприниматься серьезные попытки по вытеснению низкокачественного лубка, ориентированного исключительно на прибыль, и замене его доступной и полезной книгой, которая бы вполне удовлетворяла потребности чтения в народе. Одни за другими стали возникать различные организации, которые пытались решить эту проблему: «Общество распространения полезных книг», «Товарищество общественной пользы», несколько комиссий народных чтений, издательская фирма «Народные издания» под ред. Фан-дер-Флита и А. Кочетова, Московский и Петербургский комитеты грамотности, «Народная библиотека» В. Н. Маракуева и др. [Раппопорт 1913: 29–30].

³ Тут прежде всего нужно вспомнить педагогическую деятельность Толстого, его журнал «Ясная Поляна», в который поме-

об издании «книг для образования русских людей» [Толстой 1935: 27]. Организационную часть дела – поиск материала, переговоры с авторами и художниками, хлопоты по открытию книжного склада, проведение текстов через цензуру и др. – взял на себя друг и последователь писателя В. Г. Чертков. Организаторы «Посредника» внимательно и тщательно отбирали произведения, пригодные для публикации, – они должны были соответствовать определенным требованиям, не выходить за рамки «программы» издательства¹ [Городилова 2023: 377]. Толстой, переживший в середине 1880-х гг. мировоззренческий кризис и пришедший к новому взгляду на жизнь и искусство, активно пропагандировал его не только в своих религиозно-философских и социальных статьях и трактатах, но и в художественном творчестве. Его народные рассказы, по большей своей части предназначенные для «Чертково-Сытинского дела»² [Толстой 1934: 242], в полной мере отразили новую идейную и эстетическую позицию писателя, суть которой отразилась в тексте объявления об открытии книжного склада «Посредника». Говоря о желании выпускать «книги **хорошего содержания** по возможно **удешевленной цене**», издатели поясняют, что хорошими считают книги, выражающие учение Христа в доступной форме³.

Деятельность «Посредника» с самого своего основания привлекла к себе пристальное внимание общественности и стала предметом дискуссии, развернувшейся на страницах многочисленных периодических изданий⁴. Мнения высказывались самые разные, но и среди них были точки схождения. К безусловным достоинствам толстовских рассказов обычно относили чрезвычайную жизненность повествования, ясность и простоту стиля, а к недостаткам – наличие мистического элемента и преобладание ярко выраженной тенденции (в частности, осуждение вызвал знаменитый постулат толстовской философии – «непротивление злу насилием», который лег в основу многих народных рассказов писателя, да и других произведений, выходящих в «Посреднике»).

Книжки «Посредника» в оценке Е. С. Некрасовой

Из рецензий 1885 г., первого года деятельности издательства, особый интерес представляет статья «Книжки для народа», подписанная инициалами «Е. Н.» и опубликованная 16 июля 1885 г. на

щались различные материалы, «удобопонятные и занимательные для народа» [Толстой 1936: 370]. По сути, рассказы, размещенные в «Ясной Поляне», а затем рассказы, подготовленные в период работы над «Азбукой» и «Новой Азбукой», стали серьезной творческой лабораторией по созданию «специальной литературы для народа» [Агафонова 2017: 53].

¹ Так, Чертков писал Толстому 31 января 1885 г.: «Я продолжаю читать народные книжки и отбирать те, в которых нет ничего предосудительного» // ОР ГМТ. Ф. 1. № 118/66. Л. 1.

² Имеется в виду «Посредник».

³ Книжный склад «Посредник» // Русское богатство. 1885. № 4. С. 214.

⁴ О критической рецепции книжек «Посредника» см. подробнее: [Гусев 1970: 474–478].

страницах ежедневной газеты «Новости»⁵. За инициалами «Е. Н.» скрывалась Екатерина Степановна Некрасова, исследователь по истории русской литературы, журналист, чьи статьи и рецензии публиковались на страницах столичных газет и журналов («Русская газета», «Русские ведомости», «Новости», «Отечественные записки», «Русская мысль», «Северный вестник» и др.). Человек демократических убеждений, «общественного темперамента и высокой нравственности», она «много сделала в борьбе за женское образование, за открытие высших женских курсов» [Павлюченко 1988: 176]. Не менее активное участие приняла Некрасова и в деле народного просвещения: писала статьи о народных изданиях, свидетельствующие о ее постоянном живом интересе и неравнодушии к тому, что читает «деревенский грамотник»⁶, пробовала свои силы в качестве автора книги для народа («Иоанн-воин», 1886 г.; «Юлиания Лазаревская», 1887 г.; «Больше, чем родная», 1889 г. и др.), составляла библиотечки из лучших дешевых изданий и рассылала их по народным школам. На проблему народного чтения Некрасова имела свой взгляд. Она считала, что необходимо «положить конец господству на книжном рынке коммерчески выгодной, но духовно недоброкачественной продукции» [Казбек 1999: 281], и призвала интеллигенцию взять в свои руки инициативу в этом деле; настаивала на том, что книга должна быть не только поучительной и информативной, но и интересной для читателя, который, как правило, отдает ей свой досуг после тяжелого физического труда; отстаивала принцип постепенности в приобщении простого человека к знаниям⁷.

Ее статья «Книжки для народа» отличается глубоким и серьезным, аналитическим подходом к проблеме народной литературы⁸. Обращаясь к истории вопроса, рассматривая деятельность различных народных организаций, Некрасова задается вопросами: каких весомых результатов к середине 1880-х гг. им удалось достичь, получилось ли вытеснить с книжного рынка лубочные, или, по выражению критика, «поддельные», тексты? Признавая, что активная публикационная деятельность Общества распространения полезных книг, петербургского комитета грамотности, «Народной библиотеки» побудила издателей лубка, учитывающих конкуренцию, заменить совсем зазорную безграмотную книгу⁹ книгой новой формации, грамотно напечатанной, имеющей законченный

⁵ Е. Н. Книжки для народа // Новости и биржевая газета. 1885. № 193. 16 (28) июля. С. 1–2.

⁶ Там же. С. 2.

⁷ О Некрасовой см. подробнее: [Федоров 2000; Макшеева 1905].

⁸ В 1889 г. в журнале «Северный вестник» Некрасова опубликовала довольно большую статью «Народные книги для чтения в их 25-летней борьбе с лубочными изданиями» (Северный вестник. 1889. № 5. С. 127–149; № 6. Отдел 2. С. 1–15; № 7. Отдел 2. С. 1–24), которую рецензент «Русской мысли» расценил как «серьезное исследование из сферы отечественных вопросов» // Русская мысль. 1889. № 8. С. 368.

⁹ Е. Н. Книжки для народа // Новости и биржевая газета. 1885. № 193. 16 (28) июля. С. 1.

сюжет и яркое, привлекающее внимание заглавие, рецензент тем не менее приходит к неутешительному выводу: содержание лубочной книги новой формации по-прежнему отличают «пустота, безнравственность, ложность вымысла, карикатурность изображения жизни»¹.

Среди причин непопулярности книг интеллигентного издателя у народного читателя Некрасова называет несколько главных: ограничение торговли в пределах города, довольно медленное их распространение в народной среде (например, петербургский комитет грамотности действовал только посредством школы); непонимание запросов народного читателя, вкусы которого, как правило, не учитывались при выпуске книг (не имея ни привлекательной внешности, ни занятного содержания, они часто только поучали в довольно скучной форме); непродуманный план издания, когда выпускались в том числе и книги иностранных авторов, в которых изображались чужая страна, чужая обстановка, чужие нравы, недоступные для понимания без некоторых знаний; наконец, отсутствие простого и ясного изложения². Конечно, таким книгам трудно было конкурировать с лубочными изданиями, которые по большей части выпускали выходцы из крестьян, хорошо знавшие вкусы своей среды [Рейтблат 2009: 157]. Из всех народных издательств пока только «Посреднику», по мнению рецензента «Новостей», удалось несколько переломить сложившуюся на книжном рынке ситуацию: произведение новой фирмы проникли на знаменитую Никольскую улицу, центр московской книготорговли, и, значит, в скором времени через коробейников разойдутся по деревням и найдут наконец своего главного читателя.

Среди достоинств «Посредника» Некрасова отмечает: изящное внешнее оформление (хорошая бумага, крупный шрифт, приятная обложка, картинки, очевидно исполненные художниками), доступное содержание и изложение («все эти произведения чудно-хороши по своей художественной простоте»³), привлекательную цену. О недостатках она не упоминает, поскольку издательство только приступило к своей деятельности, но тем не менее обращает внимание на одну странность в толстовском рассказе «Бог правду видит, да не скоро ска-

жет», который впервые был опубликован еще в 1872 г. в журнале «Беседа», а в 1875 г. вошел в третью «Русскую книгу для чтения». Готовя текст к публикации, редакторы «Посредника» внесли в него некоторые изменения, на которые и обратила внимание Некрасова. На вопрос начальника острога, кто сделал подкоп под стенами, Аксенов ответил: «Я не видал и не знаю» [Толстой 1957: 252], – хотя на самом деле знал, что это сделал Макар Семенов, человек, по чьей вине безвинный Аксенов отбывал длительный срок заключения. В народном же издании ответ Аксенова изменен на следующий: «Не могу сказать, ваше благородие. Мне Бог не велит сказать. И не скажу. Что хотите со мной сделайте – власть ваша»⁴. Некрасова увидела здесь «заботливое охранение народной нравственности» и прокомментировала работу редакторов так: «На наш взгляд, – заботливость излишняя. Народ – не ребенок, он достаточно опытен в жизни, прекрасно сумеет отличить ложь безнравственную от лжи, служащей во спасение ближнего»⁵.

Подобный упрек рецензент мог бы сделать и в адрес другого толстовского рассказа: «Кавказский пленник», впервые изданный в 1872 г. в журнале «Заря», а затем – в 4-й «Русской книге для чтения» (1875 г.), в издании «Посредника» был отредактирован по тем же причинам, что и предыдущий текст. Инициатором всех этих изменений выступил В. Г. Чертков. 31 января 1885 г. он довольно подробно изложил Толстому свое мнение относительно двух его рассказов. В «Кавказском пленнике» он предложил вычеркнуть слова Жилина, свидетельствующие о том, что он прибегает к обману для достижения своей цели. Так, желая осмотреть окрестности, Жилин говорит мальчику, сторожившему его, что он поднимется на гору, чтобы добыть траву для лечения. По этому поводу Чертков пишет: «Если смотреть на Жилина, как на изображение живого человека с его достоинствами и недостатками, то с этой литературной точки зрения приведенные отрицательные черты, пожалуй, придают только больше реальности описываемому типу. Но я смотрю на книгу с точки зрения ее практического влияния на впечатлительного читателя, как дети и взрослые, еще мало читавшие и не знакомые с законами литературного изображения характеров. И я наверное знаю, что эти два места должны вызывать в таких читателях одобрительный смех и, следовательно, давать им еще один толчок в том уже слишком господствующем направлении, которое признает, что несравненно практичнее при достижении своих целей не слишком строго разбирать средства и что есть какая-то болезненная мнительность в педантическом избегании даже вполне «невинных» и никому не вредных, а иногда даже и положительно полезных

¹ Е. Н. Книжки для народа // Новости и биржевая газета. 1885. № 193. 16 (28) июля. С. 1.

² Справедливость мнения Некрасовой, пишущей о непопулярности интеллигентной книги у народа, подтверждается высказываниями других деятелей в сфере книжного дела. Так, издатель книжек под фирмой «Народная библиотека» В. Н. Маракуев отмечал: «<...> незнание народа и неумение распространить свои издания было причиной постоянной неудачи нашей интеллигенции» в деле народного просвещения [Маракуев 1886: 33]. Известный в 1880-е гг. издатель лубочной литературы И. Д. Сытин вспоминал: «Как и всякий рядовой читатель, мужик ждал от книги занятного, интересного, увлекательного чтения, а его со всех сторон гвоздили нравоучениями. Вместо писателей к нему пришли проповедники и требовали от него терпения, нестяжания, всепрощения, непротивления и покаяния» [Сытин 1962: 55].

³ Е. Н. Книжки для народа // Новости и биржевая газета. 1885. № 193. 16 (28) июля. С. 2.

⁴ Бог правду видит, да не скоро скажет. Рассказ графа Льва Николаевича Толстого. М.: Типография И. Д. Сытина и К°, 1885. С. 31.

⁵ Е. Н. Книжки для народа // Новости и биржевая газета. 1885. № 193. 16 (28) июля. С. 2.

уклонений от правды»¹.

То же прибежание к неправде смутило Чертова и в ответе Аксенова начальнику острога: «А между тем он “и видел и знает” и, следовательно, прибегает к сознательной лжи ради спасения своего товарища, что не согласуется с мыслью Христа, что следует говорить да, когда да, и нет, когда нет. Между тем сочувствие читателя остается на стороне Аксенова, самый этот его поступок производит впечатление высшего подвига его жизни. И таким этот поступок мог бы остаться и при освобождении его от обмана». И далее: «<...> вы доставили бы мне настоящее счастье, если б немножко изменили это место сами для лубочного издания. Рассказы эти так хороши, что я тем более принимаю к сердцу эти отступления от того, что представляется мне чистым учением Христа»². Толстой согласился с замечаниями Чертова, но не захотел сам приняться за исправления рассказов³, прося это сделать своего корреспондента (см. его письмо к Чертову от 5–6 февраля 1885 г.: [Толстой 1935: 139]). Судя по краткости ответа, по легкости, с которой было дано согласие, Толстой не придавал особой важности поднимаемому вопросу.

Полемика Е. С. Некрасовой и В. Г. Чертова вокруг «Посредника»

Статья Некрасовой обратила на себя внимание Чертова, вызвала желание познакомиться с автором и по возможности привлечь его к сотрудничеству. 5 сентября 1885 г. он сообщил Толстому: «Дорогой Лев! Николоевич, из нескольких прочтенных мною статей по поводу наших изданий одна только, прилагаемая, вызвала во мне серьезное желание поговорить с автором, и я думаю, что автором этой статьи мы можем воспользоваться для некоторых вещей»⁴. Интерес Чертова мог быть вызван несколькими причинами – и серьезностью рецензента в изучении вопроса, и лестными в адрес Чертова словами (Некрасова отмечала вклад в развитие «Посредника» не только Толстого, но и его соредатора, служащего делу не одними деньгами, а непосредственным участием), и, главное, желанием ответить на критический комментарий к толстовскому рассказу «Бог правду видит...», комментарий, адресатом которого, по сути, являлся именно Чертов. 4 сентября 1885 г. он отправляет Некрасовой довольно большое письмо, являющееся в какой-то степени своеобразным теоретическим обоснованием деятельности «Посредника», пояснением сути его «программы».

¹ Чертов В. Г. Письмо к Л. Н. Толстому от 31 января 1885 г. // ОР ГМТ. Ф. 1. № 118/66. Л. 2–3.

² Там же. Л. 3–4.

³ Специалисты неоднократно цитируют слова Толстого в передаче А. Б. Гольденвейзера, которые раскрывают особенности работы писателя с текстами: «Я не понимаю, как можно писать и не переделывать всё множество раз. Я почти никогда не перечитываю своих уже напечатанных вещей, но если мне попадет случайно какая-нибудь страница, мне всегда кажется: это все надо переделать <...>» [Гольденвейзер 2024: 32].

⁴ Чертов В. Г. Письмо к Л. Н. Толстому от 5 сентября 1885 г. // ОР ГМТ. Ф. 1. № 118/107. Л. 1.

Поблагодарив своего корреспондента за «сочувственное и теплое отношение» к книжкам «Посредника»⁵, Чертов тут же переходит к разъяснению внесенных в рассказ изменений, в которых рецензент ошибочно, по его мнению, увидел заботу о народной нравственности. Он категорически отказывается от приписывания издателям «Посредника» таких побудительных мотивов: издание книги является для них своего рода исполнением долга перед народом, который не учить надо, а, напротив, у которого учиться надо. При этом Чертов признает, что члены «Посредника» имеют определенные взгляды на жизнь, убеждения и в соответствии с ними отбирают тексты для публикации. Желая не поучать, а следовать своим убеждениям, Толстой и внес в рассказ «Бог правду видит» ряд изменений: «<...> мы сами не можем признавать никакой лжи законной, нравственной, мы думаем, что цель никогда не оправдывает средства»⁶.

В письме Чертова обращают на себя внимание две детали. Во-первых, его письмо к Толстому от 31 января 1885 г. документально засвидетельствовало, что инициатором исправлений был Чертов, но о внесенных в рассказ изменениях он сообщает так, словно бы их сделал сам писатель, в то время как последний лишь согласился с предложенной ему правкой. Во-вторых, Чертов, характеризуя один из главных принципов деятельности «Посредника» – проповедь жизни в соответствии с определенными нравственными нормами, использует местоимение «мы», выступая, таким образом, не только от своего имени, но и от имени Толстого и подчеркивая свое с ним единомыслие (эта позиция духовного родства с писателем впоследствии будет неоднократно озвучиваться Чертовым).

Свой ответ Некрасовой, как и ее рецензию из «Новостей», Чертов отослал на просмотр писателю: «Но так как я пишу про вас и даже пользуюсь одним выражением в вашем последнем письме ко мне, то мне захотелось раньше попросить вас прочесть и сообщить мне ваше мнение» [Толстой 1935: 255]. Действительно, Чертов цитирует фразу Толстого (она выделена подчеркиванием) из письма от 29–30 августа 1885 г.: «Файнермана переход в православие я не сужу. Мне кажется, что я бы не мог сделать этого, потому что не могу себе представить такого положения, в котором бы было лучше не говорить и не делать правду; но знаю, что было время, когда я мог. И потому думаю, что и он в переходном состоянии» [Там же: 250]⁷. Здесь обращает на себя внимание контекст использования выражения: у Толстого терпимость к поступку, по духу ему не близкому, а потому сомнительное – «мне кажется», понимающее – «он в переходном

⁵ Чертов В. Г. Письмо к Е. С. Некрасовой от 4 сентября 1885 г. // ОР ГМТ. Ф. 196. Картон 22. Ед. хр. 25. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 2.

⁷ Толстой отвечает на письмо Чертова от 25 августа 1885 г., в котором тот, помимо прочего, резко отзывается о принятии И. Б. Файнерманом, учителем по профессии, православия как об обмане и жалкой комедии [Толстой 1935: 251].

состоянии»; у Черткова четкая и бескомпромиссная позиция: мы не признаем лжи, цель не оправдывает средства, – и фраза Толстого, поданная в таком стилистическом контексте, тоже звучит как не предполагающее возражений утверждение.

Толстой назвал статью Некрасовой очень хорошей и вполне одобрил письмо Черткова к ней [Толстой 1935: 254], правда, с важной оговоркой касательно художественных произведений. Пересылая письмо своего единомышленника П. И. Бирюкову, еще одному деятельному участнику «Посредника», он писал ему 7 сентября 1885 г.: «Нельзя и не должно скрывать лжи, неверности и дурное. Надо только осветить все так, что то – страдания, а это радость и счастье» [Толстой 1934: 283]. Короткая реплика писателя, сказанная как бы мимоходом, к слову, раскрывает важную сторону творческих отношений Толстого с издателями «Посредника»: она свидетельствует о неполном их совпадении в восприятии категории художественности. Тезис Толстого о заразительности искусства, в котором бы «мысль и чувство сливались воедино» [Громова-Опульская 2005: 29], наталкивался на требование Черткова неукоснительного следования нравственным истинам [Сизова 2022: 277]. Разность эстетических подходов будет сказываться и в дальнейшем их сотрудничестве, касаясь в том числе и издания толстовских текстов, проходящих через строгую цензуру ближайших единомышленников.

Некрасова ответила Черткову 19 сентября 1885 г. дружественным письмом, которое, как и статья, свидетельствовало о ее сочувственном отношении к новому издательству. Неслучайно она признавалась, что возникновение «Посредника» породило в ней большие надежды, стало настоящим праздником, и предлагала помощь в выборе материала для издания, выражая надежду после личного знакомства и на более тесное сотрудничество с кругом «Посредника». При этом ее комментарии к разъяснениям Черткова касательно принципов издания текстов еще очевиднее вскрыли различия корреспондентов в понимании того, какая литература нужна народу. Вполне соглашаясь со словами Черткова, что любой автор в создаваемом им произведении прежде всего отражает свое понимание жизни, Некрасова тем не менее проводит грань между отражением своего мировоззрения и его настойчивой пропагандой. Она откровенно признается, что в недавно прочитанном ею рассказе Толстого «Где любовь, там и бог» проповедь христианских идеалов, составившая центральную мысль рассказа, видится ей искусственной тенденцией, вредящей художественной цельности. Свое убеждение она высказывает эмоционально (экспрессия особенно заметна на фоне логически выстроенных, несколько риторических рассуждений Черткова): восклицательные знаки следуют почти через слово в ее монологе о проповеди идеалов смирения и терпения тому самому трудовому человеку, вся жизнь которого только и состоит в исполнении этих христианских заповедей.

На письмо Некрасовой Чертков лаконично откликнулся 30 сентября 1885 г.: вежливо поблаго-

дарив собеседника, он воздержался от каких-то принципиальных возражений. Тем не менее письмо Некрасовой не оставило его равнодушным и вызвало к диалогу, который он не решил продолжить в эпистолярной форме, видимо, поняв, что разница во взглядах приведет к многословной переписке. Но диалог был намечен: письмо Некрасовой испещрено многочисленными пометами, довольно развернутыми комментариями Черткова. Они раскрывают принципы, положенные в основание издательской практики «Посредника», деятельность которого во многом определялась идейно-эстетическими взглядами и вкусами одного из ее редакторов.

Обращаясь к типологии литературных произведений, Чертков признает, что в художественном отношении выигрывают те из них, которые отражают жизнь во всей ее реалистической достоверности, а в образах героев выводят запоминающиеся типы. Но это, по его мнению, нисколько не мешает бытованию и другого типа произведений, выставляющих «в ярких живых образах» идею, мысль, пусть даже и в ущерб художественности¹. То, что для Некрасовой является недостатком (подчинение художественного начала проповедническому), становится у Черткова своего рода нравственным долгом автора, обязанного высказать истину, если он по-настоящему верит в нее и «предвидит от этого пользу для других»². Продукцию «Посредника» Чертков относит именно к этой второй категории: книги издательства имеют в виду прежде всего – выставление в возможно более реальном виде учения Христа.

Не принимает Чертков и упрека Некрасовой в том, что неуместно призывать терпеть и смиряться народ, который и так всю жизнь терпит и смиряется. Ответ его интересен не риторической и несколько поучительно звучащей декламацией о том, что только в заповедях Христа человек, вне зависимости от своего социального положения, может обрести истинное счастье, а полемическим выпадом против церковной литературы, которая на потребностях читателя в божественном чтении выдает ему некачественный продукт в виде разного рода суеверий, басен, искажающих истинный смысл проповеди Христа. В этих словах в полной мере выразилась специфическая религиозно-философская позиция Толстого и Черткова, позиция, которая будет воспринята светскими и духовными властями как подрывающая догматы веры и церкви и пагубно действующая на народ [Жирков 2009: 126, 128]³.

Заключение

Несколько писем Черткова и Некрасовой, которыми они обменялись в 1885 г., еще не будучи

¹ Некрасова Е. С. Письмо к В. Г. Черткову от 19 сентября 1885 г. // ОР РГБ. Ф. 435. Картон 126. Ед. хр. 58. Л. 2.

² Там же. Л. 106–2.

³ Специфика идейной программы «Посредника» быстро обратила на себя внимание цензурного ведомства, которое вскоре стало запрещать значительную часть продукции издательства [Лебедев 1968: 165].

лично знакомы, являются важнейшими документами историко-литературного процесса середины 1880-х гг. С одной стороны, они содержат богатые факты о деятельности народного книгоиздательства «Посредник» в самый ранний период его существования, когда делались еще только первые шаги на пути освоения книжного рынка и первые попытки завоевания народного читателя. Намотившаяся в них полемика по проблеме народного чтения была одной из самых обсуждаемых в литературе 1880-х гг. Вопросы о том, какие книги нужны народу, какова роль интеллигенции в деле его просвещения, как вытеснить низкокачественный лубок с рынка, активно обсуждались на страницах периодических изданий. «Посредник», таким образом, стал как нельзя более актуальным и востребованным издательским проектом, который вполне обосновано возбудил интерес в самых широких общественных кругах.

С другой стороны, письма раскрывают личность и убеждения одного из организаторов издательства, который во многом и определял отбор авторов и текстов для публикации. Цензура Черткова, строго следящего, чтобы изданные произведения соответствовали «программе» «Посредника», обосновывается им редакционной этикой (отсюда и использование местоимения «мы») и ссылкой на авторитет Толстого, обладавшего более широким и гибким взглядом на художественное творчество.

Приложение

В настоящей статье публикуется несколько писем В. Г. Черткова и Е. С. Некрасовой, хранящихся в их личных фондах ОР РГБ и РГАЛИ. Выбраны только те письма, в которых обсуждается народная литература и раскрывается идейная и эстетическая позиция редакторов «Посредника», что соответствует тематике настоящей статьи. Многие письма корреспондентов посвящены обсуждению конкретных вопросов по изданию книг (уточняется гонорар, обсуждается редакторская правка). Они представляют безусловную научную ценность при изучении проблемы редакторских принципов, принятых в «Посреднике», при привлечении текстов Некрасовой, предназначенных для народного издательства, с правкой Черткова и Толстого. Проблема «внутренней» цензуры, через которую проходил каждый публикующийся в издательстве текст, выходит за рамки настоящей работы.

Письма Некрасовой и Черткова публикуются впервые по автографам, в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации. Раскрытые сокращения слов заключены в угловые скобки. Примечания следуют непосредственно за текстом конкретного письма.

1. В. Г. Чертков – Е. С. Некрасовой
4 сентября 1885 г. Лизиновка¹

Лизиновка² 4 сентября 1885 г.

Автору статьи «Книжки для народа»,
подписавшемуся «Е. Н.»

Статью вашу «Книжки для народа» я прочел в

«Новостях» и почерпнул полезные и интересные сведения из вашего краткого очерка хода развития у нас печатной литературы для народа. Вместе с тем меня обрадовало ваше сочувственное и теплое отношение к изданиям, в которых я, сообщая с другими лицами, принимаю участие.

Не знаю, оправдают ли наши книжки вполне ваши ожидания, это выяснится по мере выпуска большего числа их и, разумеется, будет зависеть от степени сходства или различия ваших и наших убеждений о том, что хорошо и что не хорошо в жизни, а следовательно, и в литературе.

Но не по этому поводу решил я письменно снести с вами¹. Мне теперь хочется постараться устранить одно недоразумение, вкравшееся, довольно впрочем естественно, в вашу оценку нашего отношения к литературе. Указывая на изменение, сделанное в рассказе «Бог правду видит», в смысле избежания лжи, вы говорите: «Издатели не решаются оправдывать ложь перед народом», – потом несколько строк ниже вы обращаете особенное внимание на то, что изменение это сделано «здесь, в народном издании». И вы выводите заключение, что в этом, несомненно, проглядывает заботливое охранение народной нравственности. Вот здесь-то и заключается недоразумение. Дело в том, что мы не считаем и не можем считать себя охранителями чьей бы то ни было нравственности. Это во-первых. А во-вторых, мы вовсе не смотрим на народ как на ребенка по отношению к нам. Напротив того, мы искренно чувствуем и признаем, что не ему у нас, а скорее нам у него приходится учиться жить. Мы не стали бы даже предлагать народу книги, если бы он сам не просил их у нас. Для нас издание книг только одна из форм, в которых мы стараемся возвращать народу хоть частицу того, что мы получили от него. Он заявляет требование на книги. Каждый из нас, кто по мере своих слабых сил старается добросовестно отвечать на этот спрос, может предлагать только то, что он сам для себя считает хорошим, и будет избегать передачи того, что в его собственных глазах дурно. В общении с людьми, кто бы они ни были, мы хотели бы делать только то, что нам кажется действительно нужным, говорить только то, что мы действительно думаем и, в данном случае, издавать только то, что в наших собственных глазах действительно хорошо. Оценка литературных произведений, как и оценка достоинства чего бы то ни было, находится в прямой зависимости от субъек-

¹ Обратим внимание на одну интересную деталь. Первоначально в письме местоимение «с Вами» было написано с заглавной буквы, которую Чертков аккуратно исправил на строчную. Схожую правку можно найти и в письме Черткова к Толстому от 7 декабря 1883 г. (их личное знакомство состоялось в октябре этого же года): «Буду очень, очень рад опять повидаться с Крамским и [Вами] вами» (ОР ГМТ. Ф. 1. № 118/2. Л. 2 об.). В следующих нескольких письмах Чертков снова пишет Толстому «Вы», как в самых первых своих письмах, но постепенно в обращении к писателю утвердился строчная буква. С прописной неизменно будет именоваться Христос, Бог, и, соответственно, местоимения с большой буквы («Он», «Его») будут относиться только к Божественному учению.

тивного понимания цели жизни. Мы имеем очень определенное представление о цели нашей жизни. Верно или ошибочно оно – вопрос другой. Не стану теперь перед вами отстаивать справедливость именно нашего понимания жизни и, следовательно, нашего отношения к содержанию издаваемых нами книг. Мы, разумеется, признаем полную свободу совести и право каждого не соглашаться с нами и осуждать, если он находит нужным, наши убеждения. Но и вы, наверное, согласитесь с тем, что в оценке хорошего и дурного каждому приходится руководиться своею совестью, своим разумением и что, принимая участие в каком бы то ни было деле, каждый, имеющий свои убеждения, должен оставаться им верным и служить проводником только того, с чем он по совести и своему крайнему разумению действительно согласен. В рассказе «Бог правду видит» Л. Н. Толстой сделал замеченное вами изменение вовсе не ради охранения чьей-либо нравственности, а просто потому, что, пересмотрев рассказ, написанный им несколько лет тому назад, он решил поправить у себя то, с чем теперь не согласен. Когда он первоначально писал этот рассказ, то ему казалось хорошо, что Аксенов говорит: «не он» (или вернее: «Я не видал и не знаю»). А с тех пор тот же Лев Николаевич многое перечувствовал, передумал и теперь не может одобрить того, что вложил эти слова в уста Аксенова, и потому заменяет их другими. Это делается вовсе не потому, что не решаются перед народом оправдывать лжи в тех случаях, когда ее необходимость признается законной, нравственной. Это делается потому, что мы сами не можем признавать никакой лжи законной, нравственной, мы думаем, что цель никогда не оправдывает средств. Мы не можем себе представить такого положения, в котором бы было лучше не говорить и не делать правду. Следовательно, здесь проглядывает не охранение чьей-либо чужой нравственности, а просто желание быть верным своей собственной совести. Я не имею возможности в объеме письма изложить вам, из чего вытекают такие убеждения и насколько они вырабатываются в нас самою жизнью, а не отвлеченными умозаключениями, как вам может показаться. Да и не это было теперь моею целью. Я хотел только постараться устранить одно недоразумение, и вы не можете себе представить, как мне хотелось бы, чтобы оно действительно устранилось. Недоразумения хуже всего. От них всегда и дело страдает, и сам страдаешь. Мне даже кажется иногда, что всякое зло в мире можно было бы проследить до какого-нибудь первоначального недоразумения. Не знаю, выразился ли я понятно для вас (я не мастер писать), но если вы поняли то, что я хотел сказать, то, какое бы несогласие ни оставалось между нами, вы, однако, наверно перестанете приписывать нашим поступкам мотивы, в действительности не существующие.

Ваше серьезное и теплое отношение к народной литературе вызвало во мне сознание того, как хорошо было бы для дела, если б нам возможно было протянуть друг другу руку. В конце вашей

статьи вы говорите, что следовало бы помочь нам указанием, выбором тех именно вещей из наших лучших писателей, которые в данном случае могут быть пригодны. Вы упоминаете о Глебе Успенском, Левитове, Златовратском³. Мне как раз очень нужно получить такие указания. Пожалуйста, укажите, что именно, по вашему мнению, есть подходящего у этих писателей, – если при этом вы допускаете, что воспользоваться вашими указаниями мы имеем право только на столько, на сколько мы с своей стороны добросовестно согласны с вашей оценкой.

Итак, может быть, до свидания?

В. Чертков

(Я написал вам не своей рукой, поэтому захотел сохранить дубликат своего письма, и копия оказалась гораздо отчетливее написанною, чем оригинал).

Адрес: Владимир Григорьевич Чертков.

Склад «Посредник». 25, Больш^ая Дворянская.

С<анкт>-П<етер>б<ург>.

¹ ОР РГБ. Ф. 196. Карт. 22. Ед. хр. 25. Л. 1–4¹ (лл. 3 об., 4 и 4 об. остались пустыми).

Письмо занимает два двойных листа большого формата линованной бумаги (21,7 × 27 см). Текст написан писарской рукой. Чертков только исправил дату (изменил цифру 2 на 4), вписал место отправления (Лизиновка), в конце (л. 3) собственноручно сделал приписку в скобках и подписался.

В архиве Черткова сохранилась копия этого письма, тоже сделанная писарской рукой (ОР РГБ. Ф. 435. Карт. 126. Ед. хр. 58. Л. 1–4). В нее Чертков внес несколько исправлений и дополнений, которые были учтены в заново переписанном тексте, который и был отправлен Некрасовой.

² Имени родителей Черткова (Острогжский уезд, Воронежская губ.).

³ Г. И. Успенский (1843–1902), А. И. Левитов (1835–1877) – писатели-разночинцы, представители демократического течения литературы; Н. Н. Златовратский (1845–1911) – писатель-народник.

2. Е. С. Некрасова – В. Г. Черткову
19 сентября 1885 г. Москва¹

Москва. 1-я Мещанская, Протопоповский пер., д. 18.

19 сент<ября> <1885 г.>

Милостивый Государь
Владимир Григорьевич,

Хотелось сейчас же ответить на Ваше хорошее письмо, но нездоровье не позволило сделать это до сегодня.

Да, Вы правы – одно вовремя не выясненное недоразумение порождает десятки новых и нередко отбрасывает в противоположные стороны людей, одинаково мыслящих и стремящихся к одной

¹ Во всех письмах указывается сплошная архивная нумерация, проставленная в правом верхнем углу листа.

цели. Благодарю Вас за желание рассеять подобное недоразумение и исправить сделанную мною ошибку. Я рада, что мой вывод оказался неверен, что желание «поучать», – как Вы говорите, – не входит в цель Вашей задачи; что Вы не смотрите на народ, как на ребенка; что вина моя – принять за искусственное охранение народной нравственности то, что есть не больше, как невольное «отражение» совести автора^{1*}. Если это так, то очень рада. Но чтобы раз навсегда покончить с этим вопросом и уничтожить всякие сомнения насчет него, я остановлюсь еще на следующей – 5-ой книжке Вашего издания. Если бы свою заметку я писала по выходе брошюры «Где любовь, там и Бог», я уверена, что стремление «поучать» подчеркнула бы еще решительней. Здесь оно выступает несомненной, наставительный элемент является преобладающим – в ущерб всему остальному. Вы говорите: «принимая участие в каком бы то ни было деле, каждый – имеющий свои убеждения, – должен оставаться им верен и служить проводником только того, с чем он по совести и своему крайнему разумению согласен»^{**}. – Кто ж с этим не согласится? Разумеется, Вы правы: человек убежденный в каждом предпринятом деле *помимо воли отражает свою совесть*, свое понимание жизни, – то, в чем убежден, свои взгляды, «свое» дурное и хорошее. Но *отражать* или же ставить эту самую совесть центром, делать ее целью рассказа, все лучи направлять только на нее, остальное обращать в аксессуар (как, напр<имер>, в названной книжке), – согласитесь – это две вещи совсем разные^{***}. «Где любовь, там и Бог» является исключительно проповедью известных взглядов, их пропагандою; в них тут вся суть; они являются как бы предвзятой, искусственно вложенной тенденцией, по которой – как по живой нитке – шьется весь рассказ². Ради проведения этих взглядов автор прибегает к «неправде», к чудесам (таинственные голоса, видения, расплывающиеся, как облака...)^{***3}. Чем объясните Вы это преобладание поучительного элемента⁴? Смирись! терпи! подставь другую ланиту! отдай рубашку!.. Святое учение, святей слова! но с ними следует обращаться не к тому, кто всю жизнь смирялся, терпел, страдал и

страдает, жил и живет для других! говорите их тому, кто не знает страданий, голода, холода, плети, кто не знает, что значит жить для других... там такая проповедь будет уместна, а здесь она звучит насмешкой^{****}. Вот что до боли прискорбно мне, возлагающей большие надежды на Ваше издание, – для которой день появления первой книжки вашего издания был воистину торжественным праздником.

Для ради предпринятого Вами дела я желала бы определеннее и подробнее познакомиться с основными взглядами Вашими и положениями. Но, разумеется, это удобнее было бы сделать при свидании. Вы бываете – и кажется, не редко – в Москве. Быть может, найдете свободный час захватить ко мне или дадите знать – я приеду к Вам? В последний приезд в Петербург я рассчитывала познакомиться с Вами, попросить кое-каких разъяснений насчет изданий и хотела указать Вам на некоторые вещи из сочинений Г. Успенского, которые, на мой взгляд, очень могли бы идти для народной книжки (Соч. Златовратского и Левитова у меня нет под руками, но – думаю – и оттуда можно кое-что выбрать); напр<имер>, вставочный рассказ в «Записках маленького человека» с 179 стр. до 186 (Том III – издание Павленкова)². Этот рассказ может идти целиком, и, если его одобрите, – готова указать и другие, охотно готова служить указаниями и из других писателей. Не прочь, если мы с Вами более столкнемся и согласимся – принять более близкое участие, – в особенности пока не заручилась еще никакой другой обязательной работой.

Готовая к услугам
Екат<ерина> Некрасова.

¹ ОР РГБ. Ф. 435. Карт. 126. Ед. хр. 58. Л. 9–12⁵.

Письмо написано на двух двойных листах ланитованной бумаги (13,5 × 21 см). Все листы имеют широкие поля по левому краю.

Чертков свои комментарии к отдельным высказываниям Некрасовой помечает разными знаками и выносит их на поля или на отдельные листы, оставшиеся не заполненными текстом письма.

В настоящей публикации примечания Черткова помечены *:

* Почему непременно «невольное отражение», а не просто и естественно – намеренное соображение другому того, что автор думает и во что верит? (л. 9)

** Это было сказано по отношению к одному выражению в рассказе «Бог правду видит», вызвавшему осуждение со стороны Е. Некрасовой. Но из этого вовсе не следует, что автор имеет право только невольно отражать свои убеждения. Человек, чувствующий то, что ему кажется истиною, имеет не только право, но даже более или менее обязан высказывать эту истину в тех случаях, когда он предвидит от этого пользу для других. Одни высказывают свои убеждения в передовых статьях, другие, как, напр<имер>, Щедрин, сочиняют рас-

¹ Фраза «<...> невольное «отражение» совести автора <...>» подчеркнута Чертковым синим карандашом.

² В своей большой статье «Народные книги для чтения в их 25-летней борьбе с лубочными изданиями» Некрасова, которая к этому времени, т. е. к 1889 г., более подробно познакомится с продукцией «Посредника», будет говорить об их «сектантской односторонности в тенденциях» [Некрасова 1902: 73], об упорности, с которой издатели держатся за проповедуемую ими мораль христиански-нравственного содержания [Там же: 72]. Это расхождение по вопросу, какой должна быть литература для народа, намечилось уже в первых письмах, которыми обменялись Некрасова и Чертков в 1885 г.

³ Комментируя это место из письма Некрасовой, Чертков фразу «<...> автор прибегает к «неправде», к чудесам (таинственные голоса, видения, расплывающиеся, как облака...) <...>» выделяет скобкой на полях (по левому краю) и напротив скобки ставит знак сноски.

⁴ Фраза «<...> преобладание поучительного элемента <...>» подчеркнута Чертковым синим карандашом.

⁵ Текст письма Некрасовой занял лл. 9, 9 об., 10, 10 об., 11; на лл. 11 об., 12, 12 об. – комментарии Черткова.

сказы-притчи для более яркого изображения своей мысли. Если это допускается по отношению к сатире, т. е. к осуждению, то почему не допускать подобного же приема для выставления в возможно реальном виде учения Христа? (л. 9 об. – 10)

*** Ну так что же, что совсем разные. Это-то и хорошо, что разные, а не все одно и то же. Бывают рассказы, взятые из действительной жизни, более художественные, где необходимо придерживаться как можно ближе к действительности при описании фактов. Характеры также в подобных рассказах бывают верны действительности, и уместно бывает только концентрировать в одном лице соответствующие черты – выводить типы. Но бывают рассказы и другого характера – менее художественные, но и не имеющие целью воспроизводить в художественных формах действительность, а имеющие целью выставить в ярких, живых образах какую-нибудь мысль, идею. Тот и другой род изложения имеет свои достоинства, свою применимость к тем или другим целям (бесцельных рассказов, как и поступков, я не понимаю) и нельзя требовать от одного рода рассказа то, что присуще другому. Каждый имеет свое место. (л. 10 об. – 11)

**** Здесь нет неправды, т. к. всякий читатель, не лишенный здравого смысла, понимает, что видение – только форма изложения, а суть заключается в смысле видения. Это все равно, что сказать, что следует избегать, напр<имер>, выражения «солнце зашло», п<отому> ч<то> солнце не заходит в действительности, а земля вращается. Я согласен, что сверхъестественным элементом не следует в литературе злоупотреблять и что, когда возможно, лучше оставаться в области реальных форм, хотя это труднее и требует больше времени и работы со стороны писателя для достижения такого же яркого, очевидного впечатления. (л. 10)

***** Если хорошо жить по учению Христа и если крестьяне так и живут, то чем же нехороша книжка, которая указывает на такую жизнь, как на самую лучшую для человека, и ободряет людей, идущих по истинному пути, на котором, как всем известно, встречается немало препятствий и затруднений, часто ввергающих людей в сомнения относительно возможности продолжать по этому пути? Если же крестьяне и вообще трудящийся народ напрасно мирятся с теми условиями, в которые они поставлены внешними обстоятельствами, если в них желательно не подтверждать их (счастливую, по-моему) способность мириться с внешними условиями, а – напротив, возбуждать сознание недовольства и потребность борьбы, возмущения, то в таком случае последовательно ли предлагать учение Христа тем, кто не знает, что значит жить для других, и кто поэтому уже находится именно в том состоянии, в котором желательно видеть народ? С своей стороны я глубоко убежден, что учение Христа доставляет единственное возможное и действительное счастье для каждого человека, в какие бы условия жизни он ни был поставлен внешними обстоятельствами. И учение это одно для всех. Оно теряет всякий смысл, если относить его только к одному какому-нибудь раз-

ряду людей, считая его ненужным для другого разряда людей, поставленных в менее «выгодные» экономические, политические или социальные условия. Напротив того, чем хуже человеку, тем больше он сознает потребность в истине Христа и тем более он его ценит. Опыт подтверждает это, и народ сам представляет требования на книги «божественного» и «поучительного» содержания, как он сам выражается. До сих пор вместо хлеба ему подавали камни, и большая часть предлагаемой ему литературы состояла или из пошлых, бессодержательных и часто безнравственных сказок, или же из книг так называемого «духовного» содержания, в которых истинный, вечный смысл евангельского учения тщательно <?> маскировался и заменялся грубыми и безжизненными баснями, выставяющими суеверие и обрядность на место того, что «единое на потребу». Народ просит и определяет то, что ему нужно. Неужели отказывать ему в этом и давать совсем другое, только из опасения «ставить свою совесть центром, делать ее целью рассказа»? Напротив того, во всем, что мы делаем, следовало бы ставить нашу совесть именно центром. И это лучший способ удовлетворять нуждам других, п<отому> ч<то> совесть человеческая у всех людей одинакова (сама по себе, неискаженная) и потребности ее одинаковы для всех и выражены в учении Христа, которое можно считать *представителем* человеческой совести. (л. 11–12 об.)

² Имеется в виду повесть Г. И. Успенского «Из записок маленького человека». См.: Сочинения Глеба Успенского. Т. 4. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1884. Впервые повесть была опубликована под названием «Очень маленький человек. (Страницы из одних записок)» в журнале «Отечественные записки», 1884, № 2 и № 5.

3. В. Г. Чертков – Е. С. Некрасовой
30 сентября 1885 г. Лизиновка¹

30 сент<ября> <18>85

Лизиновка
Россошь², Ворон. губ.

Благодарю вас за письмо ваше от 19 сент<ября> и за указание на рассказ «Записки маленького человека».

На письмо ваше я не имею возможности письменно ответить и высказать все то, что хотелось бы сказать вам. Отложу это до личного свидания с вами. П. И. Бирюков говорил мне, что он познакомился с вами, и мы оба хотели навестить вас, когда были в Москве; но обстоятельства помешали нам. Лишь только опять буду в Москве, непременно постараюсь повидаться с вами и очень рассчитываю, что нам тогда удастся понять друг друга, и если не вполне во всем согласиться, то по крайней мере выяснить то, в чем мы согласны и в чем можем действовать заодно.

Следовательно, надеюсь до свидания.

В. Чертков.

¹ ОР РГБ. Ф. 196. Карт. 22. Ед. хр. 25. Л. 5 об.

Письмо написано на одном двойном листе нелинованной плотной бумаги (13,3 × 20,7 см). Л. 2 и 2 об. остались пустыми.

² Россошь – железнодорожная станция, ближайшая к имению Чертковых Лизиновка.

4. В. Г. Чертков – Е. С. Некрасовой
3 июня 1887 г. Россошь¹

Россоша. Ворон. губ. 3 июня <18>87

Екатерина Степановна,

Получив ваше письмо от 29 мая, спешу выслать вам при сем 40 рубл<ей> за рассказ «Марфа»². Пожалуйста, простите меня, что не исполнил этого раньше.

Что касается до опечаток в книжке «Юлияния»³, то поверьте мне, что никто больше меня не жалеет о том, что Сытиным выпускаются книжки в таком неудовлетворительном виде. Я делаю все, что могу, чтобы уменьшать подобные небрежности. Но напрасно вы думаете, что я в состоянии *организовать* что бы то ни было по отношению к механической стороне Сытинского издательского дела. Я могу только доставлять ему материал для издания и до известной степени влиять советами и указаниями, которые, надо отдать ему справедливость, он обыкновенно охотно принимает в соображение. Одно время он достиг весьма удовлетворительной корректуры. Последнее время опять корректура стала совсем плохая (вероятно, ему пришлось переменить корректора), и от этого страдают все его издания, в том числе и книжки «Посредника». Могу вам сказать, что я делаю все возможное с своей стороны для исправления подобных неаккуратностей, т. е. внимательно слежу за его изданиями и стараюсь *влиять* на их улучшение во всех отношениях. (Организовать, повторяю, я здесь ничего не могу, т. к. ведение дела не в моих руках). Следует также войти в положение самого Сытина для того, чтобы не осуждать его несправедливо. Он сам находится в весьма стеснительных условиях и не всегда может вводить сразу все те улучшения, которые он сам искренно желает, и даже поддерживать то, что он уже ввел. С одной стороны, особенно трудные условия собственно лубочной торговли, требующие быстрого выпуска множества изданий в громадном количестве для того, чтобы не отстать от других лубочных издателей. С другой стороны, компаньоны по торговому делу, требующие соблюдения во всем крайней экономии и не допускающие увеличения расходов по изданию. Одним словом, могу вас уверить, что если бы вы были ближе знакомы со всеми подробностями Сытинского издательского дела и вошли бы в его положение, то не осудили бы его, а, напротив, сочувствовали бы ему, как человеку, преследующему не исключительно коммерческие цели, поставленному в весьма стеснительные условия и борющемуся с ними с энергиею и настойчивостью, вызывающими даже удивление.

Жаль, что вы действительно не предложили Сытину самой держать корректуру вашего рассказа. Не живя в Москве, я не имею возможности своевременно предусмотреть все подобные случайности. Могу только в общем следить за делом и указывать на слабые стороны и промахи; но указа-

ния эти могут влиять только на последующие издания. Я пишу Сытину о том, что вы желаете держать корректуру «Марфы», и уверен, что он с радостью воспользуется вашим предложением.

Спешу отправить это письмо, т. к. нарочный ждет.

В. Чертков.

¹ ОР РГБ. Ф. 196. Карт. 22. Ед. хр. 25. Л. 23–24.

Письмо занимает один двойной лист линованной бумаги (13,5 × 21 см).

Письмо 1887 г. попало в подборку публикуемых писем, потому что в нем Чертков сообщает важные сведения о сотрудничестве «Посредника» с известным лубочным торговцем, крупным книгоиздателем И. Д. Сытиным (1851–1934). Чертков откровенно рассказывает о трудностях, которые возникали при выпуске народных книг, о положении самого Сытина, желающего улучшения книжной продукции, но вынужденного учитывать интересы своих компаньонов и следить за конкурентоспособностью собственного дела.

В своей статье «Народные книги для чтения в их 25-летней борьбе с лубочными изданиями» Некрасова, отмечая безусловную заслугу «Посредника» «в деле пробуждения общественного интереса к народной книге» [Некрасова 1902: 73], приходит к выводу, что он все-таки не доводит своего дела до конца, т. е. не вытесняет лубочные издания. Одна из причин неудачи видится Некрасовой в общей постановке дела: по сути, издательство Толстого и Черткова взяло на себя «посредническую» роль между народным читателем и интеллигентным автором, передав в руки И. Д. Сытина всю техническую сторону издания (типография, корректура, набор, распространение продукции), оставив за собой право выбора содержания, внешнего вида книжек, их цены [Там же: 62–63]. Трудно сказать, опиралась ли Некрасова, работая над статьей, на письмо Черткова или на собственный опыт сотрудничества с «Посредником», но сообщаемые ею факты совпадают со сведениями из письма Черткова.

² Имеется в виду рассказ-быль Е. Некрасовой «Больше, чем родная». Подготовленный для «Посредника» и прошедший через редакторскую правку издателей еще осенью 1886 г., рассказ не вышел даже в «побочной серии» «Посредника», хотя гонорар автору был выплачен. Рассказ был напечатан в 1889 г. в Петербурге, в типографии Е. Евдокимова. В письме он назван «Марфой» по имени главной героини.

³ Повесть «Юлиания Лазаревская» была опубликована в т. н. «побочной серии» «Посредника» в 1887 г., т. е. без обозначения его фирмы и девиза.

Сокращения

ОР ГМТ – Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва).

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

Источники

- Некрасова Е. С. Письмо к В. Г. Черткову от 19 сентября 1885 г. // ОР РГБ. – Ф. 435. – Картон 126. – Ед. хр. 58. – Л. 9–11.
- Чертков В. Г. Письмо к Е. С. Некрасовой от 4 сентября 1885 г. // ОР ГГБ. – Ф. 196. – Картон 22. – Ед. хр. 25. – Л. 1–4.
- Чертков В. Г. Письмо к Е. С. Некрасовой от 30 сентября 1885 г. // ОР ГГБ. – Ф. 196. – Картон 22. – Ед. хр. 25. – Л. 5 об.
- Чертков В. Г. Письмо к Е. С. Некрасовой от 3 июня 1887 г. // ОР ГГБ. – Ф. 196. – Картон 22. – Ед. хр. 25. – Л. 23–24.
- Чертков В. Г. Письмо к Л. Н. Толстому от 7 декабря 1883 г. // ОР ГМТ. – Ф. 1. – № 118/2. – Л. 1–2.
- Чертков В. Г. Письмо к Л. Н. Толстому от 31 января 1885 г. // ОР ГМТ. – Ф. 1. – № 118/66. – Л. 1–5.
- Чертков В. Г. Письмо к Л. Н. Толстому от 5 сентября 1885 г. // ОР ГМТ. – Ф. 1. – № 118/107. – Л. 1.

Литература

- Агафонова, Я. Я. Борьба за классику: книга для народа и лубочные книжные издания / Я. Я. Агафонова // Русская филология 28 : сборник научных работ молодых филологов / отв. ред. Т. Гузаиров, И. П. Кюльмоя. – Тарту : Тартуский университет, 2017. – С. 52–61.
- Арденс, Н. Н. Творческий путь Л. Н. Толстого / Н. Н. Арденс. – М. : Издательство АН СССР, 1962. – 680 с.
- Бирюков, П. И. Биография Л. Н. Толстого : в 2 кн. Кн. 2 / П. И. Бирюков. – М. : Алгоритм, 2000. – 650 с.
- Васильева, С. А. Проблемы народного чтения в трактовке Вс. Соловьева / С. А. Васильева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 30. – С. 167–172.
- Гольденвейзер, А. Б. Вблизи Толстого (записи за пятнадцать лет) : в 2 т. Т. 1: 1896–1909 / А. Б. Гольденвейзер. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2024. – 496 с.
- Городилова, Н. И. Дружеская цензура в творческой истории рассказа Л. Н. Толстого «Свечка» / Н. И. Городилова // Studia Litterarum. – 2023. – Т. 8, № 4. – С. 370–387.
- Грибушин, И. И. Народные сюжеты в рассказах Л. Н. Толстого / И. И. Грибушин // Русская литература. Сборник 11. – Свердловск : Государственный университет им. А. М. Горького, 1978. – С. 103–113.
- Громова-Опульская, Л. Д. Литературно-эстетические взгляды Л. Н. Толстого / Л. Д. Громова-Опульская // Громова-Опульская Л. Д. Избранные труды / отв. ред. М. И. Щербакова. – М. : Наука, 2005. – С. 11–50.
- Гусев, Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1881 по 1885 год / Н. Н. Гусев. – М. : Наука, 1970. – 560 с.
- Жирков, Г. В. Л. Н. Толстой и цензура / Г. В. Жирков. – СПб. : Роза мира, 2009. – 320 с.
- Казбек, М. М. Е. С. Некрасова / М. М. Казбек // Русские писатели. Биографический словарь. Т. 4 / гл. ред. П. А. Николаев. – М. : Научное издательство «Большая российская энциклопедия» ; научно-внедренческое предприятие «Фианит», 1999. – С. 280–282.
- Кущенко, З. А. Идеино-художественная роль сказовости в народных рассказах Л. Н. Толстого / З. А. Кущенко // Жанр рассказа в русской и советской литературе : сб. ст. – Киров : б. и., 1983. – С. 52–59.
- Лебедев, В. К. Книгоиздательство «Посредник» и цензура (1885–1889) / В. К. Лебедев // Русская литература. – 1968. – № 2. – С. 163–170.
- Макшеева, Н. Памяти Е. С. Некрасовой / Н. Макшеева // Русская мысль. – 1905. – № 2. – С. 189–191.
- Маракуев, В. Н. Что читал и читает русский народ: Публ. чтение 9 марта 1884 г. в Политехн. музее / В. Н. Маракуев. – М. : Типо-лит. И. Н. Кушнерева и К°, 1886. – 39 с.
- Некрасова, Е. С. Народные книги для чтения в их 25-летней борьбе с лубочными изданиями / Е. С. Некрасова. – Вятка : Издание Вятского товарищества, 1902. – 81 с.
- Николаева, Е. В. Художественный мир Льва Толстого. 1880–1900-е годы / Е. В. Николаева. – М. : Флинта, 2000. – 272 с.
- Новикова, Т. Н. «Посредник» и его читатель / Т. Н. Новикова // Историко-функциональное изучение русской литературы : межвузовский сборник научных трудов. – М. : МГПИ им В. И. Ленина, 1984. – С. 103–111.
- Павлюченко, Э. А. Женщины в русском освободительном движении от Марии Волконской до Веры Фигнер / Э. А. Павлюченко. – М. : Мысль, 1988. – С. 173–182.
- Раппопорт, С. А. Народ и книга. Опыт характеристики народного читателя / С. А. Раппопорт. – М. : Универсальное издательство Л. А. Столяр, 1913. – 266 с.
- Рейтблат, А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы / А. И. Рейтблат. – М. : НЛО, 2009. – 447 с.
- Сизова, И. И. Рукописный этап в истории создания рассказа Л. Н. Толстого «Два старика» (1885–1886): вопросы текстологии и поэтики / И. И. Сизова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, вып. 2. – С. 268–280.
- Сытин, И. Д. Жизнь для книги / И. Д. Сытин. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1962. – 280 с.

Толстой, Л. Н. Бог правду видит, да не скоро скажет / Л. Н. Толстой // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 21: Новая азбука и Русские книги для чтения. 1874–1875 гг. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1957. – С. 246–253.

Толстой, Л. Н. Об издании нового журнала / Л. Н. Толстой // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 8: Педагогические статьи 1860–1863. – М. : Государственное издательство «Художественная литература», 1936. – С. 370–372.

Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. Письма. Т. 63: Письма 1880–1886 гг. / Л. Н. Толстой. – М. ; Л. : Государственное издательство художественной литературы, 1934. – 522 с.

Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. Письма. Т. 85: Письма к В. Г. Черткову 1883–1886 / Л. Н. Толстой. – М. : Государственное издательство «Художественная литература», 1935. – 462 с.

Федоров, Н. Ф. Собрание сочинений : в 4 т. Дополнения. Комментарии к т. IV / Н. Ф. Федоров. – М. : Традиция, 2000. – С. 558–561.

Храпченко, М. Б. Лев Толстой как художник / М. Б. Храпченко. – М. : Советский писатель, 1965. – 508 с.

References

Agafonova, Ya. Ya. (2017). Bor'ba za klassiku: kniga dlya naroda i lubochnye knizhnye izdaniya [The Fight for the Classics: A Book for the People and Popular Prints]. In Guzairov, T., Kyulmoya, I. P. (Eds.). *Russkaya filologiya* 28: *sbornik nauchnykh rabot molodykh filologov*. Tartu, Tartuskii universitet, pp. 52–61.

Ardens, N. N. (1962). *Tvorcheskii put' L. N. Tolstogo* [Creative Way of L. N. Tolstoy]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR. 680 p.

Biryukov, P. I. (2000). *Biografiya L. N. Tolstogo: v 2 kn.* [Biography of L. N. Tolstoy, in 2 books]. Book 2. Moscow, Algoritm. 650 p.

Fedorov, N. F. (2000). *Sobranie sochinenii: v 4 t. Dopolneniya. Kommentarii k t. IV* [Collection Works, in 4 vols. Additions. Comments to Vol. IV]. Moscow, Traditsiya, pp. 558–561.

Goldenveizer, A. B. (2024). *Vblizi Tolstogo (zapisi za pyatnadtsat' let): v 2 t.* [Near Tolstoy (Records for Fifteen Years), in 2 vols.]. Vol. 1: 1896–1909. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya. 496 p.

Gorodilova, N. I. (2023). Druzheskaya tsenzura v tvorcheskoi istorii rasskaza L. N. Tolstogo «Svechka» [Friendly Censorship in the Creative History of Leo Tolstoy's Short Story “Candle”]. In *Studia Litterarum*. Vol. 8. No. 4, pp. 370–387.

Gribushin, I. I. (1978). Narodnye syuzhety v rasskazakh L. N. Tolstogo [Folk Plots in the Stories of L. N. Tolstoy]. In *Russkaya literatura. Sbornik 11. Sverdlovsk, Gosudarstvennyi universitet im. A. M. Gor'kogo*, pp. 103–113.

Gromova-Opul'skaya, L. D. (2005). Literaturno-esteticheskie vzglyady L. N. Tolstogo [Literary and Aesthetic Views of L. N. Tolstoy]. In Gromova-Opul'skaya, L. D. *Izbrannye trudy*. Moscow, Nauka, pp. 11–50.

Gusev, N. N. (1970). *Lev Nikolaevich Tolstoy. Materialy k biografii s 1881 po 1885 god* [Leo Nikolaevich Tolstoy. Materials for a Biography from 1881 to 1885]. Moscow, Nauka. 560 p.

Kazbek, M. M. (1999). E. S. Nekrasova [E. S. Nekrasova]. In Nikolaev, P. A. (Ed.). *Russkie pisateli. Biograficheskii slovar'*. Vol. 4. Moscow, Nauchnoe izdatel'stvo «Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya», nauchno-vnedrencheskoe predpriyatie «Fianit», pp. 280–282.

Khrapchenko, M. B. (1965). *Lev Tolstoy kak khudozhnik* [Leo Tolstoy as an Artist]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 508 p.

Kushchenko, Z. A. (1983). Ideino-khudozhestvennaya rol' skazovosti v narodnykh rasskazakh L. N. Tolstogo [The Ideological and Artistic Role of Fairy Tales in the Folk Short Stories of L. N. Tolstoy]. In *Zhanr rasskaza v russkoi i sovetskoi literature: sb. st.* Kirov, pp. 52–59.

Lebedev, V. K. (1968). Knigoizdatel'stvo «Posrednik» i tsenzura (1885–1889) [Book Publishing House “Intermediary” and Censorship (1885–1889)]. In *Russkaya literatura*. No. 2, pp. 163–170.

Maksheeva, N. (1905). Pamyati E. S. Nekrasovoi [In Memory of E. S. Nekrasova]. In *Russkaya mysl'*. No. 2, pp. 189–191.

Marakuev, V. N. (1886). *Chto chital i chitaet russkii narod: Publ. chtenie 9 marta 1884 g. v Politekh. muzee* [What the Russian People Read and Are Reading: Public Reading on March 9, 1884 at the Polytechnic Museum]. Moscow, Tipolit. I. N. Kushnereva i K°. 39 p.

Nekrasova, E. S. (1902). *Narodnye knigi dlya chteniya v ikh 25-letnei bor'be s lubochnymi izdaniyami* [People's Books for Reading in Their 25-year Struggle with Popular Prints]. Vyatka, Izdanie Vyatskogo tovarishchestva. 81 p.

Nikolaeva, E. V. (2000). *Khudozhestvennyi mir L'va Tolstogo. 1880–1900-e gody* [Artistic World of Leo Tolstoy. 1880–1900s]. Moscow, Flinta. 272 p.

Novikova, T. N. (1984). «Posrednik» i ego chitatel' [“The Mediator” and His Reader]. In *Istoriko-funktsional'noe izuchenie russkoi literatury: mezhdvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, MGPI im V. I. Lenina, pp. 103–111.

Pavlyuchenko, E. A. (1988). *Zhenshchiny v russkom osvoboditel'nom dvizhenii ot Marii Volkonskoi do Very Figner* [Women in the Russian Liberation Movement from Maria Volkonskaya to Vera Figner]. Moscow, Mysl', pp. 173–182.

Rappoport, S. A. (1913). *Narod i kniga. Opyt kharakteristiki narodnogo chitatelya* [The People and the Book. Experience of Characteristics of the National Reader]. Moscow, Universal'noe izdatel'stvo L. A. Stolyar. 266 p.

Reytblat, A. I. (2009). *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoi sotsiologii russkoi literatury* [From Bova to Balmont and Other Works on the Historical Sociology of Russian Literature]. Moscow, NLO. 447 p.

Sizova, I. I. (2022). Rukopisnyi etap v istorii sozdaniya rasskaza L. N. Tolstogo «Dva starika» (1885–1886): voprosy tekstologii i poetiki [Manuscript Stage in the History of Creation of L. N. Tolstoy's Short Story “Two Old Men” (1885–1886): Issues of Textual Studies and Poetics]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 15. Issue 2, pp. 268–280.

Sytin, I. D. (1962). *Zhizn' dlya knigi* [Life for a Book]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. 280 s.

Tolstoy, L. N. (1934). *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. Pis'ma* [Complete Works, in 90 vols. Letters]. Vol. 63: Pis'ma 1880–1886 gg. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. 522 p.

Tolstoy, L. N. (1935). *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. Pis'ma* [Complete Works, in 90 vols. Letters]. Vol. 85: Pis'ma k V. G. Chertkovu 1883–1886. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Khudozhestvennaya literatura». 462 p.

Tolstoy, L. N. (1936). Ob izdanii novogo zhurnala [About the Publication of the New Magazine]. In Tolstoy, L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. Vol. 8: Pedagogicheskie stat'i 1860–1863*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Khudozhestvennaya literatura», pp. 370–372.

Tolstoy, L. N. (1957). Bog pravdu vidit, da ne skoro skazhet [God Sees the Truth, but He Won't Tell You Soon]. In Tolstoy, L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. Vol. 21: Novaya azbuka i Russkie knigi dlya chteniya. 1874–1875 gg.* Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, pp. 246–253.

Vasilieva, S. A. (2009). Problemy narodnogo chteniya v traktovke Vs. Solov'eva [Problems of Popular Reading in the Interpretation of Vs. Solovyev]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 30, pp. 167–172.

Zhirkov, G. V. (2009). *L. N. Tolstoy i tsenzura* [L. N. Tolstoy and Censorship]. Saint Petersburg, Roza mira. 320 p.

Данные об авторе

Городилова Наталья Ивановна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия).

Адрес: 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25 а, стр. 1.

E-mail: natromanova2007@yandex.ru.

Author's information

Gorodilova Natalia Ivanovna – Candidate of Philology, Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Дата поступления: 15.07.2024; дата публикации: 28.03.2025

Date of receipt: 15.07.2024; date of publication: 28.03.2025